

Д

ва месяца назад (в «Неделе» № 43 за прошлый год) мы опубликовали заметку киевского исследователя литературы М. Петровского, в которой он рассказал о возмутительном факте: в газете «Вечерний Киев» литератор Сергей Плачинда взялся утверждать, что осенью 1918 года будущий писатель Михаил Булгаков якобы принимал участие в расстреле студенческой демонстрации, организованной будущим кинорежиссером Александром Довженко, причем Булгаков лично — в упор! — стрелял в Довженко.

Мы не стали бы возвращаться к обсуждению этой выдумки, не имеющей под собой никаких реальных оснований, если бы С. Плачинда не прислал в редакцию письмо, в котором продолжает настаивать на своей точке зрения. Поскольку содержание письма выходит далеко за рамки обычной историко-литературной дискуссии, мы решили предложить его вниманию читателей вместе с ответом, который редакция направила автору письма.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сначала о «выдуманном» факте. Еще в 1939 году Александр Довженко в своей «Автобиографии» рассказал о том, как он организовал большую антигетманскую студенческую демонстрацию в Киеве 1918 года и как было в упор расстреляно около двадцати человек. Более подробно об этом страшном событии написал в своих воспоминаниях участник демонстрации, боевой соратник Александра Довженко — Максим Вовченко. А Юрий Смолич не раз в кругу друзей рассказывал о том, кто именно командовал ротой солдат, расстрелявших студенческую демонстрацию, и как в трагическом моменте сошлись лицом к лицу, грудью в грудь два будущих писателя.

Но самым убедительным для меня есть рассказ проживающего ныне в Киеве ученого-физика, автора известных работ по истории Киевской Руси и астрофольклористике Александра Павловича Знойко. Он хорошо знал не только того, кто командовал расстрелом студенческой демонстрации, но и его семью, несколько месяцев даже жил в их доме. Александр Павлович так говорит о молодом поручике, будущем писателе: «Никто не давал ему распоряжения стрелять в студентов — он расстрелял демонстрантов по своей инициативе. Об этом тогда говорил весь Киев» (кстати, Знойко считает, что это случилось несколько позже, чем описано в моем очерке).

Я верю Александру Павловичу Знойко. Верю Юрию Корнеевичу Смоличу — у него факты всегда точны. И еще я верю, что там, на том кошмарном кровавом пятнышке — перекрестке Бибиковского бульвара и Владимирской улицы, среди выстрелов, криков, проклятий, стопа раненых и студенческой крови, в молодом поручике с револьвером в дрожащей руке рождался

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Уважаемый Сергей Петрович! В своем письме в редакцию Вы упрекаете нашего автора в «неделикатности», ибо он назвал по имени М. Булгакова, не названного в Вашей статье «Скамейка на бульваре». При этом то, что в этой статье имелся в виду именно Булгаков, Вы в письме не отрицаете. Что ж, у каждого свои представления о «деликатности». Вам, вероятно, кажется, что публично оклеветать писателя, который уже не может заступиться за себя, — это «деликатно», а защитить его от клеветы «неделикатно». У нас иная точка зрения на этот вопрос.

Кстати, как сообщила 14 ноября 1987 г. киевская газета «Прапор комунізму», в других своих выступлениях Вы прямо сообщаете, что «М. Булгаков в качестве командира гетманской роты в октябре 1918 года расстреливал студенческую демонстрацию, которую организовал А. Довженко». Это к вопросу о деликатности, но давайте все же перейдем к фактам.

Итак, осень 1918 года. В Киеве правит гетман Скоропадский, ярый монархист, царский флигель-адъютант и генерал-лейтенант. В армии его, естественно, порядки старые — царского времени, а вот прежние воинские звания он отменил, украинизировал. Поэтому никаким «поручиком» как Вы утверждаете, Булгаков быть не мог, а только «хорунжим» или «сотником». Остается, правда, возможность, что Булгаков попал в русское офицерское формирование (были и такие), но и тут «поручиком» он состоять никак не мог: офицерские звания военным врачам никогда не присваивались — они носили военную форму, но имели звания чиновников. Кроме того, известно, что в Киеве во время мобилизации находилось множество строевых офицеров, и предположение, что ротой командовал военный врач, мягко говоря, фантастично.

Кроме того, достоверно известно следующее: Булгаков был мобилизован не раньше 9 ноября 1918 года (см. исследование М. Чудаковой, журнал «Москва», №№ 6—8 1987), а потому разгонять октябрьскую демонстрацию никак не мог; к тому же сразу после мобилизации он «был отпущен», то есть находился дома, за исклю-

(такова диалектика и эволюция человеческого бытия!) — очень дорогой ценой рождался — гражданином и писателем, который тысячу раз проклял в душе тот страшный, судный день — день своего позора и падения — понесет в произведении свои высокие идеи гуманизма, пойдет даже по пути богоискательства, что весьма логично и серьезно.

Все это я понимал и принимал чужьм литератора, когда работал над книгами о Довженко и Яновском, когда писал очерк «Скамейка на бульваре». Вот почему называть открыто, «в лоб» того, кто был по ту сторону баррикад и стрелял (хотя и не попал) в вожака киевской революционной молодежи, принципиально не стал. Собственно, это элементарная этика литератора: художественное произведение — не прокурорский приговор. Функции писателя и следователя разные: первый воссоздает образ, второй — определяет личность...

Поэтому мне кажется грубым и неприемлемым стремление Мирона Петровского отгадать имя отрицательного героя моего очерка «Скамейка на бульваре». Что-то неприличное в этом — указывать пальцем на того, на ком «шапка горит»; угадывать конкретную личность и тут же отрицать факт ее сопричастия к трагическим событиям; всею жонглировать именем русского писателя, искусственно создавать не-

кий действительно сенсационный скандал (а ведь речь не о сенсации, а о большой человеческой трагедии). И, конечно, бестактностью является требование открыть музей в Киеве тому, кто стрелял в революцию.

Ведь музей — не книга. Здесь воспитывает не слово и образ, а экспонат и личность.

И разве можно период 1918—1919 годов заменить фразой Мирона Петровского: «...убеждения были далеки от революционных»? И не идти же нам за экспонатами на поклон к гетманским и денкинским архивам в некоторых европейских городах? Или идти?

Но бестактность носит здесь не только политическую окраску, а и гражданскую — демонстративно компрометируется личность. Да и о национальной бестактности стоит вспомнить.

Мирон Петровский говорит о киевлянах, которые гребуют открытия музея на Андреевском спуске. Но здесь нужно честно и четко указать: речь идет о какой-то части киевлян. Некоторых из них я знаю: их грубые голоса, оскорбительные выражения и даже угрозы выслушиваю по телефону, спорю с ними во время встреч.

Александр Довженко называл таких людей очень мягко — полуинтеллигентами. А мне кажется: эти люди теряют иногда чувство стыда, совести. И ответственности... Но зачем далеко ходить: под пером Мирона Петровского звучит неуместная ирония над прототипом Тимоша Стояна, т. е. — над самим Довженко. Но ведь это общепризнанный факт: в образе украинского революционного рабочего, которого пули не берут, — частица и сердца, и биографии самого Довженко, которого тоже пули не взяли.

И, наконец, о главном.

На перекрестке Владимирской улицы и бульвара Шевченко в Киеве еще не стоит гранитная стела в память о двадцати студентах, погибших во время антигетманской демонстрации 1918 года. И нынешние студенты университета не останавливаются

здесь ни на миг, не кладут красные гвоздики на место, что полито кровью их далеких сверстников.

...В ночь с 20 на 21 ноября 1919 года денкины по-зверски замордовали и расстреляли в Аносовском саду Киева автора «Червоного заспіву» и «Револуції» (стихотворения, которые можно назвать рубикомом молодой советской украинской поэзии) девятнадцатилетнего поэта Василя Чумака. На этом скорбном месте еще не стоитobelisk, и сюда — хотя бы раз в году, в канун Октября — не приходят молодые поэты, не кладут цветы, не читают своих огненных стихов, не принимают молчаливую присягу на верность идеалам Василя Чумака.

А вчера я побывал у дома Николая Островского. Это знаменитая когда-то железнодорожная «колония», «коммуна», клуб КВРЗ (Киевский вагоноремонтный завод). Здесь звонко звучал голос неистового Павки Корчагина. Здесь создавалось и впервые пелось: «Наш паровоз, вперед лети...» Стыдно стоять у этого дома: выбиты окна, двери заколочены грубыми досками, грязные стены, мусор. СОРВАНА МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА! Кто-то же поднял на нее руку. Дом ждет... бульдозера: все инстанции предрекли его на снос, ни у кого не дрогнула рука («нужно расширить улицу» — всего-навсего!). Голоса нескольких писателей о том, что в этом доме нужно открыть музей Островского и корчагинцев (здание большое, на два крыла!), никто не услышал. А ведь этот дом пропах революцией. Тридцать лет тому назад я писал о нем, как о бастии январского восстания железнодорожников (1918 г.), здесь было зверски убито около сотни раненых красных бойцов. Но здесь не слышно грома пионерских барабанов. Нет пикетчиков, которые стерегли бы дом от бульдозеров. Нет молодежи. Нет экскурсий.

Зато я часто вижу толпы юношей и девочек у домика того, кто стрелял в корчагинцев (кто-то же приводит их сюда!).

...Сегодня мне пришло еще одно письмо — без обратного адреса, конечно: «Музей на Андреевском спуске будет открыт!» Эти слова в письме старательно подчеркнуты. Рука не дрогнула...

Что же с нами происходит? Неужели это случится: снесут дом автора книги «Как закалялась сталь» и откроют музей в доме его врага? Неужели мы лишимся чувства стыда и совести?

Сергей ПЛАЧИНДА.

ПРАВДА И ДОМЫСЛЫ

ВОЗВРАЩАЯСЯ К КИЕВСКОЙ «СЕНСАЦИИ»

чением нескольких дней в декабре, когда вместе с братом участвовал в обороне Киева от петлюровцев.

Таковы факты. Что же им противопоставляете в подкрепление своей версии Вы? «Рассказы в кругу друзей»? Ссылки на неких собеседников, у которых, как Вам представляется, «факты всегда точны»? Увы, лишь это. Согласитесь, мало вато для того, чтобы обвинить крупного советского писателя в том, что он «стрелял в революцию», «стрелял... в вожака киевской революционной молодежи».

В первых строках своего письма Вы ссылаетесь на «Автобиографию» А. Довженко. Мы перечли ее. Там действительно рассказывается о студенческой демонстрации в октябре и об участии в ней Довженко. Но ни упоминаний о Булгакове, ни даже отдаленных намеков на него там нет. На что же Вы рассчитывали, когда помещали ссылку на этот документ в ряду с другими, о которых нами уже сказано? Вы что, хотели уверить читателя, что «жертва» сама показывает на своего «палача»? Довженко — в роли лжесвидетеля?

Еще в «свидетели» Вы взяли «соратника» Александра Довженко — Максима Вовченко, оставившего, если Вам верить порочащие Булгакова воспоминания. Поскольку воспоминания эти не публиковались, мы до самого последнего времени не могли проверить достоверность Вашего сообщения. Однако 25 декабря в украинской газете «Комсомольское знамя» помещено интервью с Т. Т. Деревянко, директором киевского музея А. Довженко. В интервью приводится тот самый рассказ Вовченко «об этом страшном событии», на который ссылаетесь Вы. Нет там ни слова о Булгакове! Более того, директор музея называет Вашу «сенсацию» совершенно несостоятельной. Так что «показания» и этого свидете-

ля к «делу» против Булгакова приобщить не удастся.

Что еще остается? Покойный писатель Юрий Смолич? Ну что ж, тут и совсем все ясно. Вы ссылаетесь на устный рассказ Смолича, а ведь он опубликован — в первом издании его книги «Я выбираю литературу» (Киев, «Радянський письменник», 1970, стр. 130—134). Описывая расстрел студенческой демонстрации, свидетелем которого ему довелось быть, Смолич отнес эти свои воспоминания с похожей ситуацией из романа «Белая гвардия» и высказал предположение, что прототипом Алексея Турбина был сам автор, то есть именно он командовал группой офицеров и юнкеров, расположившихся, как помнит Смолич и как описано в романе, в здании гимназии.

Но Вы должны знать, что во втором издании книги Ю. Смолича и в последующих украинских и русских изданиях этой гипотезы (кстати, отнюдь не совпадающей с Вашей) уже нет. Скорее всего, писателю стали известны все те факты, о которых приходится сегодня напоминать Вам. Мы уже не говорим о том, что события в «Белой гвардии» происходят 13—14 декабря, а демонстрация с участием Довженко, как Вы пишете, состоялась 15 октября, то есть это была совсем другая демонстрация. Так что и Юрий Смолич Вам не помощник в данном случае.

Что же касается ледящих душу рассказов физика А. П. Знойко о том, что Булгаков «расстреливал демонстрантов по своей инициативе» и что «об этом тогда говорил весь Киев», то позвольте этому не верить. Как совершенно справедливо замечено в том же «Прапоре комунізму»: «И вообще, много ли людей в Киеве в то время знало врача М. Булгакова, чтобы узнать его в военной форме?» И, заметим от себя, вряд ли в суровые тридцатые годы в Киеве было бы разрешено МХАТу играть на гастролях

булгаковскую пьесу, если бы и в самом деле существовали свидетели того, как писатель «расстреливал» студенческие демонстрации.

Да, Сергей Петрович, что-то не сходится у Вас концы с концами... В своей книге о Довженко «Сеятель» Вы ведь тоже описываете все тот же расстрел. Но там у Вас в Довженко стреляют два офицера. Теперь версия Ваша почему-то изменилась. Но из двух офицеров одного Булгакова не составишь. Не годится он на роль палача.

Кстати, где в заметке М. Петровского ирония по отношению к А. Довженко? Нет ее и быть не может, поскольку заметка и не о Довженко вовсе, а о Вашем неблагоприятном поступке.

Да-да, неблагоприятно: как иначе назвать попытку столкнуть, посмертно поспорить М. Булгакова и А. Довженко? Но Вы ведь и на этом не останавливаетесь: в своем письме Вы сталкиваете Булгакова и Николая Островского! Вы представляете дело так, будто создание музея М. Булгакова угрожает существованию музея Н. Островского и других культурных и историко-революционных памятников.

Но ведь на самом-то деле (и Вы прекрасно об этом осведомлены!) преступительству разрушению музея Островского и препятствуют созданию музея Булгакова одни и те же люди. Да, в Киеве должен быть музей Николая Островского, но там должен быть и музей Михаила Афанасьевича Булгакова. Музей писателя, воспевшего свой родной город, писателя, создавшего в романе «Белая гвардия» образ молочницы Явдохы — прекрасный символ физической и нравственной чистоты, символ здоровья и силы украинского народа!

Мы согласны с Вами в том, что «функции писателя и следователя разные». Тем более удивляет настойчивость, с которой Вы, член Союза писателей СССР, обвиняете выдающегося советского писателя по сути в уголовном и политическом преступлении. Советуем Вам всерьез задуматься о том, насколько подобная позиция согласуется с той самой профессиональной этикой, о которой Вы нам напоминаете.

А. МАЛЫГИН,
редактор отдела литературы и искусства «Недели».